

Прощеский Детский

Татьяна Лутанцева

СУХОЙ ЗАКОН ДЛЯ ДРОЖИСА

Иронический детектив (АСТ)

Татьяна Луганцева

Сухой закон для Диониса

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Луганцева Т. И.

Сухой закон для Диониса / Т. И. Луганцева — «АСТ»,
2017 — (Иронический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-100837-6

Любительница экстравагантных нарядов и по совместительству врач-стоматолог Яна Цветкова легко могла бы попасть в Книгу рекордов Гиннеса, так как лучше всех на свете умела влипать в самые невероятные истории. Мать Яны была актрисой, а отец гробовщиком, работал на кладбище. Малышка Яна любила играть среди могил. Это обстоятельство, видимо, мистическим образом повлияло на ее характер – Яна отличалась невероятной бесшабашностью и тягой к приключениям. Старинный друг Цветковой, следователь Лебедев, попросил Яну помочь ему в очень деликатном деле...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100837-6

© Луганцева Т. И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна Луганцева

Сухой закон для Диониса

Глава 1

Кто не был знаком с Яной Карловной Цветковой, тот многое потерял в жизни. Хотя ее подруга Ася Кудимова, адвокат по уголовным делам, считала по-другому. Она была уверена, что тот, кто не общался с Цветковой, сохранил не только душевное спокойствие, но и драгоценную жизнь. А все дело в том, что Яна вечно оказывалась в эпицентре каких-то происшествий – от нелепых до самых что ни на есть криминальных, и проходила как свидетельница уже по сотне уголовных дел. Правда, следователь по особо важным делам Виталий Николаевич Лебедев поначалу думал, что именно Цветкова – главная злоумышленница, которая каким-то непостижимым образом всякий раз выходит сухой из воды и получает от этого несказанное удовольствие. В чем однажды и имел смелость признаться Яне.

– Так я в твоих глазах просто маньячка какая-то! – удивилась Цветкова. – Но это же комплимент!

– Неужели? – ухмыльнулся Виталий Николаевич. – Я думал, что женщины любят, когда им говорят: «Какая ты, милочка, красивая, какая ты, душечка, добрая...»

– Сразу видно, что ты не знаешь толк в женщинах! – скептически посмотрела на него Яна, и Виталий Николаевич поежился под острым взглядом ее голубых глаз. – Если я одна все это организовала, провернула и против меня нет никаких доказательств, то каким же умом я должна обладать? Конечно, я считаю, что это комплимент.

Естественно, Виталий Николаевич думал про Цветкову так нехорошо только первое время, пока не познакомился с ней поближе. А когда узнал ее лучше, то понял, что Яна просто ходячее недоразумение, к которой, как мухи на мед, липнут все неприятности. Яна стала для следователем своеобразным проклятием, своего рода «черной меткой», и он решил, что должен до конца своих дней помогать ей, вытаскивая из разных передряг.

Следователю Лебедеву было сорок пять лет. Выглядел он не очень презентабельно – одежда неопрятная, пуговицы кое-где оторваны. Опытный взгляд сразу бы определил, что он мужчина бесхозный, то есть холостой. Когда-то давно, в ранней молодости, Виталий Николаевич был женат, но недолго, а потом словно завязал с этим делом. С Цветковой они были знакомы уже десять лет, и именно это обстоятельство, по мнению Аси, было главной причиной одиночества Виталия Николаевича долгие годы.

Однажды у Яны по поводу отношений с Виталием состоялся разговор с ее давней подругой Асей.

Яна пригласила подругу в кафе, и они заняли лучший столик у окна. Была ранняя весна, солнце заливало светом ярко-зеленую травку с вкраплениями желтых одуванчиков и кроны деревьев, протянувших тоненькие веточки к ласковым лучам.

– Как у тебя дела с Виталием? – поинтересовалась Ася, кивком поблагодарившая официанта, поставившего перед подругами кофе и мороженое.

– Какие у нас могут быть дела? – рассеянно ответила Яна, слизывая с ложечки холодное лакомство. – Он же занят постоянно.

– Между прочим, занят он делами, в которые ты его втягиваешь.

– Я? Ну ты это преувеличиваешь.

Ася пригубила ароматный кофе.

– Дура! Все эти годы он любит тебя!

Яна подняла на нее удивленные глаза.

– С чего ты взяла? С ума сошла, что ли? – Яна даже отодвинула креманку с разноцветными шариками.

– Это ты с ума сошла, если ничего не замечаешь, не чувствуешь! Мне кажется, сначала Лебедев и сам не осознавал своего чувства к тебе, а потом, думаю, смирился.

– С чем? – оторопела Яна.

– С тем обстоятельством, что ты никогда не ответишь ему взаимностью! Сама подумай – то за одного выскакиваешь замуж, то за другого, а сама при этом еще выглядываешь, не показался ли очередной рыцарь на белой лошадке на горизонте, – пояснила Ася.

Яна надула губы, отказываясь верить, что слова подруги о чувствах следователя могут быть правдой.

Она давно знала Виталия Николаевича и относилась к нему очень хорошо, но по-дружески. Как мужчину своей мечты Яна его и не рассматривала. Ей даже в голову такое не приходило, и Цветкова очень надеялась, что подруге это показалось. Иначе как теперь вести себя со следователем? Одно дело – друзья, и совсем другое – если ты понимаешь, что человек ждет от тебя чего-то большего, а ты не готова да и просто не можешь дать ему никаких чувств, кроме приятельских. Слишком разные они были с Виталием Николаевичем, слишком не подходили друг другу.

Яна была яркой, экстравагантной, непредсказуемой женщиной. Очень и очень необычной. Может потому, что родилась в не совсем обычной семье? Мать Яны много лет служила в театре юного зрителя, была ведущей актрисой, примой, а вот отец в том же театре был рабочим сцены, плотником. Более не подходящих друг другу людей сложно себе представить. К тому же Карл Цветков был запойным пьяницей, хотя мастером хорошим. По причине беспробудного пьянства из театра его после бесконечных проработок все-таки уволили, и он последние годы трудился на кладбище, сооружая гробы, по его собственному определению, как папа Карло. Там же он страшно и нелепо погиб: в сильный ливень, находясь «под мухой», поскользнулся на мокрой глине и свалился в свежевырытую могилу. Он не смог из нее выбраться, потерял сознание и захлебнулся.

Таким образом, детские годы Яны протекали между театральной сценой и кладбищем, и еще не известно, что оказало большее влияние на формирование ее личности.

На кладбище Яне не было страшно, она бегала и играла между могил, разглядывая искусственные цветы, венки с лентами и фотографии на памятниках. Яна всматривалась в лица умерших на керамических овалах и иногда даже разговаривала с ними. И только от детских могилок по спине Яны пробегал неприятный холодок. Она понимала, что когда умирают дети – это несправедливо, так не должно быть. Вот Яна в их же возрасте жива-здоровая, а они молчат и тоскливо смотрят на нее с холодных могильных плит.

Много позже, когда у Яны закрутился бурный роман с чешским князем, тот искренне недоумевал:

– Только у вас в России к могильному памятнику прикрепляют фотографию покойного. Я не понимаю, зачем? Усопшие что, в гробу такие же, как на фотографии? Или они когда-то вернутся, и это для того, чтобы не забыли, как они выглядят? Бред какой-то! Для человека главное – память о покойном, а фотография на памятнике – это ужас.

– А у нас принято сидеть у могилки на скамеечке, поминать покойного и разговаривать с ним, – пояснила Яна.

– Везде у вас, русских, посиделки! – всплеснул руками чех.

Как ни странно, но бывать у мамы за кулисами было для Яны гораздо драматичнее. Впечатлительной девочке было странно, что воздушная принцесса из сказки в гримуборной превращалась в пожилую тетку, которая курила вонючие сигареты и грубо разговаривала по телефону, а Баба-Яга и вовсе оказывалась не очень трезвым мужиком, который, кряхтя,

высвобождался из корсета и предъявлял совсем не сказочному миру объемный живот, а сняв лохматый парик – лысину. Сказочный принц, которого на сцене так любила принцесса, вдруг начинал нервно материться и просил у гримерши налить ему водочки. Видимо, именно тогда Яна и разочаровалась в принцах.

Да, определенно у отца на работе было намного спокойнее.

С личной жизнью у Яны тоже все складывалось не очень ладно. Она была замужем четыре раза. Как любила говорить сама Цветкова: первый брак был ошибкой юности, второй – ошибкой молодости и мог закончиться весьма плачевно. Дело в том, что второй муж Цветковой, узнав, что она стала наследницей крупного состояния, чуть не убил ее, но все обошлось. А вот последние два раза Яна выходила замуж за одного и того же человека – Ричарда Алисова, бизнесмена из Москвы. И этот факт красноречиво свидетельствовал, что эти отношения были совсем не простыми. От Ричарда Яна родила единственного сына.

Горячая любовь, кипящая бурными страстями, с шумными ссорами и не менее шумными примирениями длилась ровно до того момента, как Яна посмотрела в глаза молодому и красивому чешскому князю Карлу Штольбергу. Тогда Яна еще не знала, что в его жилах течет голубая кровь. Она просто поняла, что погибла окончательно и бесповоротно. Тщетно стараясь побороть это внезапно нахлынувшее на нее чувство, Яна, как честный человек, призналась в измене мужу. Они разошлись, но Ричард еще долго не отпускал ее из своего сердца. Все понимали, что для него эти отношения особо мучительны. Ася как-то даже мрачно пошутила: «Первый брак – это я подстрелила Ричарда, а второй – контрольный ему в голову».

Молодой князь Карл Штольберг никогда не был обременен узами брака, красивый как бог, богатый, он, ко всему прочему, обладал очень покладистым характером. Всю жизнь занимался благотворительностью. Конечно, они с Яной были очень разными, но их объединяла любовь. Казалось, ничто не может помешать их счастью. Но когда умер Штольберг-старший, Карл был вынужден заняться семейными делами как единственный наследник древнего рода. Он стал официальным лицом своей страны.

Карл сделал Яне предложение, и вот тут-то она и поняла, что наделала – снова вскружила голову хорошему парню и снова оказалось, что зря... Они не могли быть вместе. Яна категорически не хотела покидать не то что пределы России, но и Москвы. А национальное достояние Чехии, естественно, должно было проживать в Чехии и трудиться на благо своей родины. Кроме того, Яна не планировала снова становиться матерью, а Штольбергу нужен был наследник. Да и не представляла она себя в роли «придворной дамы». Светские мероприятия, деловые приемы, вечеринки и прочие мероприятия... Холодные отношения... А Яна была, пожалуй, последним человеком на земле, который мог бы вписаться хоть в какие-то рамки. Конечно, Ася возразила тогда Яне, что самое главное в жизни – это любовь и ради нее можно преодолеть все что угодно.

«Только не то, что я хочу оставить Карла без детей», – решила для себя Яна, потому что для нее, несмотря на все трудности в их отношениях, этот аргумент был самым главным.

– Я делаю лучше для Карла! – заявила она Асе.

– Только ты его забыла спросить, – ответила подруга.

Карл очень долго был один, потом у него появилась молоденькая невеста, но он все равно приехал в Россию и попросил Яну вернуться. Ее сердце, истекающее кровью, чуть было не дрогнуло, но тут она узнала, что невеста Штольберга беременна. Тогда Цветкова порвала с Карлом окончательно и бесповоротно. Он тоже попрощался с мечтой жить с любимой женщиной. Их пара словно воплотила в жизнь слова всем известной песни: «Все могут короли... но... жениться по любви не может ни один король...»

Со временем Яна узнала, что даже рождение наследника не спасло этот брак, но род Штольбергов продолжился, и это было самое главное.

Карл Штольберг хорошо знал Яну и больше не искал с ней встреч, прекрасно понимая, что этим ее унизит.

Периодически в жизни Цветковой случались какие-то романы, но все они рано или поздно заканчивались. Яна уходила, и уже ничто не могло ее вернуть. Жила она с домоправительницей Агриппиной Павловной, которая досталась ей от Ричарда. Просто когда они расходились, сын Вова был еще маленький, и Агриппина Павловна осталась с Яной, чтобы ей помогать. Сейчас Вова учился за границей, но Агриппина Павловна по-прежнему жила с Цветковой. Один раз Яна ей даже в сердцах сказала:

– Дорогая моя, Агриппина Павловна, ты же мне все уши пожужжала, какой Ричард святой и какая я «редиска», что бросила его ради заморского принца. И вот наконец-таки свершилось чудо, и он встретил святую женщину Людмилу и обрел с ней семейное счастье. К тому же у них родился ребенок. Так почему ты здесь? Почему не поможешь своему любимому Ричарду?

– Дура ты, Яна! – вздохнула Агриппина Павловна. – Куда я от тебя денусь? С тобой же жизнь шевелится! А с этой Людкой что? Не интересно мне с ней... Она же как рыба мороженная.

– Вот это поворот! Вот это откровение! – рассмеялась Яна. – Я рада, что ты со мной! Что бы я делала без твоих замечаний и колкостей?

– А без моих плюшек? И так кожа да кости! – согласилась Агриппина Павловна. – Нет, Яна... я тебя не брошу!

– Очень хорошо! Я только за! – Яна обняла и поцеловала весьма колоритную даму.

Говоря про «кожу да кости», Агриппина Павловна ничуть не покривила душой. Яна была высокая и действительно очень худая. И если говоря про кого-то, употребляют слово «телосложение», то в случае с Яной куда больше подошло бы слово «теловычитание». Длинные руки и ноги, узкие бедра и талия, белые, словно седые, волосы почти до талии. Глаза выразительные, голубые в пол-лица, небольшой нос и тонкие губы. Движения у Яны были резковатые, как у подростка, женственности в ней было маловато. Из одежды она предпочитала ровно все то, что предпочитали девицы легкого поведения, как всегда говорила ее подруга Ася. Короткие юбки, совершенно немыслимые аляпистые цвета, высоченные каблуки и обилие дорогих украшений составляли основной гардероб Цветковой. Золото, серебро, полудрагоценные и драгоценные камни висели на Яне килограммами. В ушах качались огромные серьги, на тонких запястьях лязгали браслеты. Яна даже как-то отметила:

– Всех нормальных детей по легенде приносит аист, а меня маме с папой, по всей видимости, подкинула стая сорок. Меня постоянно тянет на все блестящее!

Яна была владелицей не большой, но весьма прибыльной стоматологической клиники. Денег было не то чтобы очень много, но вполне достаточно на достойную жизнь. Кроме того, Ричард, несмотря на неудовольствие Яны, сына обеспечивал.

– Не хочешь, чтобы я помогал тебе, считай, что это Вове, – повторял он.

Так и жила Яна Карловна Цветкова: дом – работа, работа – дом, периодически впадая в депрессию. Подруга Ася даже шутила:

– Ты тонешь в депрессии, даже когда у тебя все нормально. Тебе явно не хватает экстрима и движения вокруг себя! А еще мужика тебе не хватает! Доразбрасывалась принцами, а теперь сидишь у разбитого корыта и локти кусаешь!

Глава 2

– Яна Карловна, к вам посетитель! – заглянула в кабинет директора секретарша Виктория.

– Ой, я сегодня уже закончила прием... Мне надо уйти пораньше.

– Я не пациент, – выглянул из-за плеча Вики мужчина. – Я по делу...

– Ой, Виталий Николаевич, проходите, пожалуйста!

– Чего это ты так официально?

– Это я с перепугу. Викуся, принеси нам кофейку, – попросила Яна.

– Сейчас сделаем. – Секретарша упорхнула, оценивающим взглядом окинув посетителя.

Виталий Николаевич посмотрел на свой помятый плащ и залоснившиеся джинсы, затем аккуратно, боясь нарушить царящий в кабинете порядок, уселся в кресло.

– Здесь стерильно, прямо как в операционной, – произнес он.

– Потому что милые, хорошие девушки все время убирают в кабинете доброй отзывчивой начальницы, – пояснила Яна. – Каким ветром к нам? Неужели все-таки зубы полечить?

– Нет, Яна, у меня хорошие зубы. Не дождешься!

– Это потому, что они у тебя вставные, товарищ майор! Ведь вас же учат ловить пули зубами!

Виталий Николаевич от удивления даже привстал с кресла.

– Да шучу я... шучу...

– Шутница... – Лебедев вытер пот со лба.

В это время в кабинет впорхнула Вика с подносом.

– Кофе, сахар, молоко, шоколадные конфеты, на любой вкус, угощайтесь, пожалуйста.

Я могу помешать вам, – промурлыкала она.

– Чем помешать? – не понял Виталий Николаевич.

– Ложечкой, конечно! – кокетливо улыбнулась Вика.

– А... – покраснел следователь. – Нет, я сам.

– Как скажете. А вы не хотите снять плащ?

– Нет, а зачем? – поежился следователь.

– Возможно, он мешает...

– А я вам не мешаю? – искренне поинтересовалась Цветкова. – А то, может, я пойду?

– Нет, я к тебе! – Лебедев даже испугался, что Яна оставит его с Викторией наедине.

– Но если что... – напомнила секретарша, лаская майора полиции взглядом.

– Мы тебя позовем, – заверила ее Яна.

Вика, тяжело вздохнув, закрыла за собой дверь.

Виталий Николаевич посмотрел на Яну, словно извиняясь.

– Ты же знаешь, что я в вынужденном отпуске... – начал он.

– Конечно! Как такое забыть! – тряхнула конским хвостом Яна, вспоминая бессонную ночь в больнице, куда Виталий Николаевич поступил с огнестрельным и ножевым ранениями. Его прооперировали, потом он долго лежал в реанимации.

– Да ладно! Какое там ранение! – махнул майор рукой. – Так... вскользь прошло.

– Как же! – округлила глаза Цветкова. – Про тебя даже в новостях говорили. Русский Рембо! Сражался в одиночку с целой бандой!

– С тремя негодьями! – поправил Виталий Николаевич.

– Три человека против одного! – горячилась Цветкова. – Просто супермен! Откуда только что и взялось?! – Она окинула взглядом вроде как не очень мощную, совсем не атлетическую фигуру следователя. И ее взгляд очень отличался от взгляда, которым одаривала

майора минутой ранее Виктория. – Нет! Главное, один бандит тебя ранил ножом, а ты продолжил драться! Второй выстрелил, но и это тебя не остановило, и ты его вырубил! Ты не Рембо! Ты – Терминатор!

– Яна, ты меня смущаешь...

– Как я за тебя переживала! Думала, неужели никто мне больше не скажет в трубку: «Цветкова, когда ты звонишь, у меня давление повышается и мороз по коже идет! Я ведь только гадости от тебя жду! Ну и что ты мне приготовила на этот раз?» Пуля-то у тебя вскользь прошла! Ребра только повредила, но это же боль какая! А вот нож задел легкое. Хорошо, что его удалось сохранить. Так ты почему опять заговорил об этом? У тебя какие-то осложнения? – испугалась Яна.

– Нет! Сколько можно уже лечиться? Сначала в больнице, потом в военном госпитале, да еще двадцать дней в санатории, – пожаловался майор.

– Так это же хорошо. – не согласилась Цветкова. – Со здоровьем не шутят!

– Да я опух от лечения! Извини, конечно, но у меня попа от уколов болит. Словно говорит: «Мне уже и витамины не в радость!»

Яна вытаращила на следователя глаза.

– Серьезно? Так и говорит? – задумалась она. – И давно ты разговариваешь со своей задницей? Ты не помнишь, вообще, у тебя часто травмы головы были? Кстати, пирожок хочешь? Меня Агриппина Павловна забрасывает пирогами словно снарядами и все жалуется, что не в коня корм. Но я не могу их поглощать с такой же скоростью, с которой она их печет!

– От пирожков Агриппины Павловны никогда не откажусь. Мне даже все равно, с какой они начинкой. Ее тесто – поэма! – потер руки Виталий Николаевич в предвкушении удовольствия.

Яна вынула из шкафа и положила на стол объемный пакет с пирожками.

– Вот, налетай! Продолговатые с ливером, круглые с вишней или клубникой, как повезет.

– Я прямо сейчас попробую, – не удержался следователь. – До дома терпеть не буду.

– Ешь на здоровье! – Яна пригубила кофе и закашлялась.

В кабинет без вызова вплыла Виктория, не отрывая взгляда от Лебедева. Казалось, еще немного, и она прожжет в следователе дыру. В облике секретарши произошли разительные перемены. Во-первых, на ее лице обозначились ярко-красные губы, словно две сочные пиявки, а вырез на блузке стал заметно глубже этак на две пуговицы сразу.

– Как вам кофеек? Может, добавку? Тортик? Я могу сгонять в магазин, – предложила Виктория, и ее рука легла на плечо Виталия Николаевича.

Тот вздрогнул.

– Господи, да что же вы такой напряженный? Хотите массаж?

– Нет, – подавился пирожком следователь, и Виктория принялась то ли стучать ему по спине, то ли гладить. – Мы не договорили, – сказал он, стараясь не смотреть на Викторию.

– Я у себя, если что, – правильно поняла его слова Виктория и не спеша удалилась, покачивая бедрами.

– Да... – протянула Цветкова, задумчиво глядя вслед секретарше, – вот так работаешь с человеком много лет бок о бок и даже не догадываешься о его скрытых желаниях. И похоже, что эти желания в ней пробудил ты – наш мачо.

– Честно слово, не хотел, – перекрестился пирожком следователь.

– Не знаю, не знаю, что ты там сделал с Викторией в приемной, – прищурилась Яна. – Ма-чо!

– Ты уже определись, кто я – Рембо, Терминатор или ма-чо? – передразнил ее Виталий Николаевич.

– Ты – супермужчина! – рассмеялась Яна. – Так что с твоим ранением?

– Да скорее не с ранением, а с затянувшимся отпуском. Я отупел от безделья, а начальник ни в какую – отдыхай еще месяц, и все!

– Так что ты от меня-то хочешь? – не понимала Яна. – Чтобы я тебя на этот месяц чем-то заняла? Впервые ты не ругаешься, что я во что-то ввязалась, а даже сожалеешь, что все тихо и спокойно? Ну, извини, в данный момент я не прохожу ни свидетелем, ни подозреваемой ни по одному делу. Криминальная невезуха отвернулась от меня, – вздохнула Яна, разворачивая обертку и отправляя шоколадный трюфель в рот.

– Я не это имел в виду, – сказал Виталий Николаевич. – Очень хорошо, что ты ни во что не вляпалась. Я сам нашел чем заняться.

– Это интересно, – облизала губы от шоколада Яна.

– Обратился ко мне один очень хороший знакомый с просьбой. Ты его не знаешь. Так вот, у него есть друг Иван Капустин, и он постоянно попадает в какие-то нелепые ситуации и передраги. Когда мне его так представляли, так я сразу же о тебе и подумал...

– Только не говори, что решил нас познакомить, если, следуя твоей нездоровой логике, мы так похожи, – сказала Яна.

– Я даже не думал ничего подобного! – честно признался Виталий. – Я совсем не об этом хотел сказать. Это очень богатый человек, уникальный в своем роде...

– В чем же его уникальность? – вполне искренне заинтересовалась Яна.

– Профессор. Лауреат всех известных и неизвестных премий. Член-корреспондент и... – бестолково стал объяснять следователь и взмахнул руками, словно хотел обнять всю Вселенную разом.

– Царь?! – ахнула Яна.

– Хватит юродствовать. Он, это... агроном, селекционер... Ну... в общем, очень умный.

– Кто бы сомневался? Все ботаники очень умные, – пожала плечами Яна.

– Ты не понимаешь. Этот человек – гений! Он лучший винодел в России! Лично исследует химический состав почвы, наличие вредителей, что-то там еще... Прошел сотни километров своими ноженьками по нашей необъятной родине в поисках земель, годных для выращивания виноградников. Обследовал не только почву, но и воздух, устанавливал приборы, улавливающие энергию Солнца на квадратный метр почвы... Короче, он один заменяет целую группу ученых и представляет собой целую лабораторию. Это человек, который к любой проблеме подходит комплексно и имеет потрясающий профессиональный опыт и научное чутье.

– Ну хорошо, ты меня убедил, что он гений. Дальше-то что? – не понимала Яна.

– Так вот, мой знакомый обратился ко мне, чтобы я поработал телохранителем у этого агронома. Мало того, что наконец-таки работа, так он еще и платит огромные деньги... Вернее, – Виталий Николаевич задумался, словно вспоминая что-то, – он их не просто платит, он ими сорит направо и налево. И они у него все не кончаются и не кончаются, да и не кончатся никогда! Такие отчисления идут со всего мира! Вот один из случаев... В Аргентине стали погибать королевские виноградники. Из собранного на них урожая получали элитные вина – на стол президенту страны и на экспорт. Чего только они ни делали, все было бесполезно. И вот за большие деньги вызвали Ивана Сергеевича Капустина. Так он на государственном уровне категорично заявил, что виноградники гибли в результате изменения климата, и единственное, что он смог сделать, так это сохранить несколько лоз и пересадить их в другое место. Перед этим он неделю колесил по стране и искал место с благоприятным климатом. В конечном итоге королевский сорт винограда был спасен!

– У меня уже голова болит, – нахмурилась Яна, – а еще я резко захотела выпить именно вина. Причем уже все равно – розового, или красного, или белого. Ты меня замучил рассказами о виноградниках и этом... винотье.

– Чего? – не понял Виталий Николаевич.

– Ну, если есть шоколатье, то я подумала, что есть и винотье, – ответила Цветкова.

– Давай лучше называть его виноделом. Так как-то привычнее, – не согласился с ней следователь.

– Бу-бу-бу! Так я пошла? – спросила Яна.

– Я уже заканчиваю. В последнее время Ивану Капустину несколько раз угрожали. Поэтому мой знакомый обратился ко мне с просьбой, чтобы я охранял Капустина.

– А что, правоохранительные органы, находящиеся не на больничном, не могут официально оберегать этого гения? – спросила Цветкова, косясь на часы.

– Иван Сергеевич такой жизнерадостный и несерьезный человек, что не обратил внимания на эти угрозы и не сохранил ни одну улику. Письма выбрасывал, послания стирал. А обмолвился об этом просто в разговоре с моим другом.

– Высшая степень безалаберности, – прокомментировала Яна. – Жизнерадостный, говоришь? Так он и умрет жизнерадостно...

– Типун тебе на язык! Для этого я с Иваном и буду находиться, чтобы его не убили.

– А почему ты здесь? – спросила Яна. – Может, в это время твоего винодела того... уже пришили?

– Типун тебе...

– Хватит мне уже типунов! – оборвала его Цветкова. – Сам, главное, рассказывает и меня же обрывает! Ты же телохранитель!

– Сейчас Иван находится дома, там ему вряд ли что угрожает, – пояснил Виталий Николаевич. – А вот предстоящая длительная поездка меня напрягает. В дороге с ним может случиться всё что угодно. И поэтому я обязательно буду сопровождать нашего ценного научного работника в путешествии.

– А что за путешествие? – подняла брови Яна.

– О, это очень интересное мероприятие! Дело в том, что каждая климатическая зона уникальна, поэтому и существует столько сортов вин, причем в каждом регионе оно получается свое, даже из одного и того же сорта винограда. Давным-давно, еще в царские времена, французские виноделы подарили нашему царю лозы своего уникального винограда. У нас, в Краснодарском крае, были найдены условия, по климатическим параметрам повторяющие место на юге Франции, где выращивали этот сорт винограда. Уникальный виноградник прижился, и в мире стало два места, где произрастал этот самый лучший, со слов французских виноделов, виноград. А потом у них случилась какая-то трагедия, я точно не знаю какая, и все виноградники погибли. Французы объявили национальной программой – возрождение своих уникальных виноградников. Тут-то они и вспомнили, что когда-то сделали шикарный подарок царю великой России, и обратились к России за помощью в восстановлении своего достояния.

– Бесплатно? – спросила Яна.

– Почему тебя это интересует? – удивился Виталий Николаевич.

– Я бы сорвала сейчас большой куш! Припомнила бы им войну двенадцатого года.

– А ты алчная, Цветкова! Я даже и не предполагал... Сорт этого винограда, кстати, называется «Наполеон».

– Вот именно! – еще больше окрепла в своих материальных помыслах Цветкова. – Как это звучит из их уст? – «Верните нам Наполеона! Он же наш!» Кто спорит? Вот ведь хитрецы! Они не смогли захватить нашу страну во главе с императором Наполеоном, так захва-

тили наши земли сортом винограда «Наполеон»! Молодцы, ничего не скажешь. А теперь верните нам его назад...

– Яна, мы с Францией дружим, – напомнил следователь.

– Дружба у нас только какая-то односторонняя, – прищурилась Яна. – Как с нас взять что-то – так пожалуйста. А как нам «Мистрали» поставить, так нет, санкции. Извините, мы же в НАТО. Мы ваши навеки, но мы в НАТО. Интересные друзья!

– Ты еще и политизированная такая! – удивился Виталий.

– Я патриотка, – пояснила Яна.

– В общем, сумму сделки я не знаю, может, это будет подарок России Франции, но всем участникам этого мероприятия платить будут очень хорошо.

– Поздравляю! Когда уезжаешь? Надеюсь, тебе не придется своим телом в буквальном смысле закрывать этого члена-корреспондента. Я не хочу терять блат в правоохранительных органах.

– Понятно, я могу тебе еще пригодиться, – усмехнулся Виталий Николаевич. – Представляешь, на передачу лоз французской стороне приглашено очень много людей. Там будут и представители посольств двух стран, и знаменитые виноделы со всеми мира... Такой ви-ай-пи уровень.

– Странно это слышать от тебя, – скользнула Яна взглядом по мятому плащу Виталия Николаевича.

– Мне самому странно оказаться в таком обществе, – поежился он, стряхивая невидимую перхоть с плеч. – И у Ивана проблемы...

– Какие у Ивана проблемы? – удивилась Яна. – Ты говорил, что у него «всё в шоколаде».

– Ему по статусу необходимо прибыть на это мероприятие с супругой. Это не обязательное условие, конечно, но желательно. И что? И ничего! – развел руками Виталий. – Иван не женат. И вот тут я и подумал...

– Можешь больше не продолжать! – оборвала его Яна. – Сразу – нет! Ты с ума сошел, что ли?

– Яна, я тебя никогда ни о чем не просил!

– И с учетом того, что ты для меня сделал, я, естественно, не смогу отказать. Очень подло с твоей стороны напоминать об этом! – побагровела Цветкова.

– Яночка, ну послушай меня! – взмолился Виталий Николаевич.

– Ты никогда меня так не называл! Все Цветкова да Цветкова! Не пугай меня! Ты точно хорошо себя чувствуешь? Столько ранений... Они, наверное, не проходят даром.

– Еще скажи, что я стал старым и сентиментальным, – хмыкнул следователь. – Просто пойми, без тебя мы пропадем. Ты нам нужна!

– Нам? – переспросила Яна.

Но Лебедев будто не слышал ее, продолжая уговаривать:

– Во-первых, ты сама отдохнешь, там море, прекрасный климат... Ты когда отдыхала в последний раз? Вот именно, даже не помнишь! А тут совместишь приятное с полезным! Во-вторых, мне нужен твой совет, я никогда в таком обществе не вращался, мне с тобой будет спокойнее, – пояснил Виталий Николаевич.

– Давно ли ты стал таким щепетильным? И чтобы тебя так волновало общественное мнение? Сегодня для меня просто вечер откровений! – хлопнула в ладоши Яна, звякнув золотыми браслетами.

– По статусу Ивану положено прибыть с женой. Ты сыграешь ее роль! – невинно хлопал ресницами майор.

– А ты будешь нашим сыном? – уточнила Цветкова.

– Ну почему сыном? – смутился Виталий Николаевич. – Я друг семьи или этот...

– Кто?

– Тоже ученый из России...

– Точно! Профессор кафедры животноводства, – кивнула Цветкова. – С кем ты в основном по жизни имеешь дело? Правильно, с преступниками и негодяями, которые совершили преступление и затаились. Конечно! А кто захочет признаться в содеянном мерзком поступке? Кража... убийство... За это же в тюрьму. Никто не хочет ограничения своей физической свободы, даже если в мыслях они уже давно преступили все законы и свободы. А потом, хорошо грабить и насиловать обычных людей, лохов, так сказать... А тут тебя вырвут из этого благодатного общества и посадят к таким же волкам, где этих овец уже будет не найти. И вот тут на передний план выходят такие люди-герои, как ты! Кто должен найти этих преступников, которые часто неглупые люди, найти улики, доказывающие их преступление, и изолировать их? Ты – герой, Виталик! И как ты можешь стесняться какого-то «светского общества», находясь в этом дерьме, которое люди делают своими руками. И в то же время ты и есть истинный герой, дающий этим людям жировать в свое удовольствие. Иначе их давно бы обокрали, а то и лишили жизни! Поэтому ты должен ходить там с высоко поднятой головой и знать себе цену! – высказалась Цветкова.

Теперь уже настала очередь удивляться майору.

– Спасибо за столь высокую оценку моего будничного труда... тебе с трибуны бы речи толкать! Но ты поняла, что мне и Ивану от тебя нужно...

– Ты еще посмотри на меня так жалостливо, как котик в мультике, – фыркнула Яна, рассмеявшись.

– Я не смотрю мультики про котиков, – смутился Виталий Николаевич, – я по-дружески...

– Да поняла я уже... Ну, я даже не знаю твоего чудо-ученого Ивана. Как я могу представиться его супругой? – сложила губки бантиком Цветкова.

– Яна, ну это же понарошку! Какая тебе разница?

– Как это какая разница? – возмутилась Яна. – Может, я даже фиктивно не хочу быть рядом с неприятным человеком! Не дай бог слухи пойдут...

– Да он – профессор! Очень достойная партия! Слухи пойдут исключительно положительные! – заверил ее следователь.

Яна обреченно махнула рукой и согласилась.

Глава 3

«Как я могла все-таки пойти на такое? Вот говорят, что у меня сложный характер. Да какой же он сложный? Мягче мягкого! Кисель! Просто миу-миу... Хотя, конечно, как какая-нибудь авантюра, так кто первый? Цветкова! Кого можно уговорить на что-то не совсем законное? Конечно Цветкову! А кого еще? А потом еще спрашивают: «Почему ты, Яночка, все время влипаешь в неприятности?» Да потому что вы сами мне их и приносите на блюдечке с голубой каемочкой!» – размышляла Яна, стоя на перроне у поезда Москва – Новороссийск. Выглядела она совсем не по-дорожному. Единственное – сменила короткую юбку на узкие джинсы ярко-синего цвета в стразах. А вот на ногах все равно красовались сабо на устрашающего размера подошве.

– Ты ноги не сломаешь? – покосился на сабо Виталий Николаевич.

– Ну и сломаю! Короче будут! – ответила Цветкова. – Я скорее без обуви сломаю, совсем не привыкла без каблуков ходить.

Волосы она замотала в мощный узел на макушке, а тело доверила ярко-красной блузке с прозрачными шифоновыми вставками. В дорогу Яна не красилась, а позволила себе только ярко-красную помаду и такой же лак на ногтях.

Виталий Николаевич отошел в сторонку покурить, а Яна кожей ощущала косые оценивающие взгляды проходящих мимо женщин и весьма заинтересованные – мужчин.

– Стою тут как на трассе... – нахмурилась Яна.

– Это куда такая красивая девушка собралась? А мы вас приглашаем в свое купе! Готовы пожертвовать всем, что у нас есть, – обступили Яну со всех сторон молодые парни.

– Эй! Она со мной! – закашлялся Виталий Николаевич, втянув в себя чуть ли не всю сигарету целиком, и поспешил на помощь боевой подруге.

– Да? – удивились ребята, посмотрев на несколько неуклюжего следователя с торчащими в разные стороны темными волосами. – Ну, ладно... Не кипятитесь!

– Ты бы им еще корочку свою показал! Мол, уйдите от нее, басурмане проклятые, я представитель власти. Я крутой! – сжала кулачок Цветкова.

– Тебя просто на секунду оставить одну нельзя! Сразу налетают какие-то мужики!

– Потому что я – интересная, – поправила прическу Яна.

– Ты почему так вульгарно одеваешься? – возмутился Виталий Николаевич.

– Это я-то вульгарно?! – воскликнула Цветкова.

– Всё в облипку!

– Да у меня фигура красивая! Это на тебе всё мешком висит!

– Украшений словно на новогодней елке! – продолжал перечислять следователь.

– Это чтобы подчеркнуть мою красоту! – парировала Яна. – И хватит ревновать! Если во время нашей поездки ты будешь на всех так набрасываться, может, мне прямо сейчас повернуть домой? Что-то я не готова к такой ревности. Тем более ты мне не муж! Кстати, а где этот мой суженый-ряженный?

– Я тоже об этом думаю... – посмотрел на часы следователь. – До отправления пятнадцать минут...

– И моих чемоданов нет! Вот что за люди! – всплеснула руками Яна.

– Каких чемоданов? – испугался Виталий Николаевич.

– С одеждой, конечно! А ты думал, что я так поеду, в одних джинсиках? У меня несколько чемоданов с самыми лучшими нарядами!

– И где они? – обреченно спросил майор.

– Из такси чемоданы переложили на тележку носильщика, за каждый я заплатила, и было обещано, что мне их подвезут прямо к вагону.

– И ты так спокойно оставила все вещи на тележке какого-то мужика? В искренней надежде, что их подвезут к вагону к назначенному времени? – Чем дольше говорил следователь, тем тоньше и противнее становился у него голос.

– Ты хочешь сказать... – Яна нервно распустила волосы, – что меня надули? Что он не привезет вещи?! О господи! Ну я и дура! А ты куда смотрел?! Следователь называется!

– А я-то тут при чем? Я даже не знал ничего. Вот не ожидал я от тебя такого, Цветкова. Это же надо – так лопухнуться!

– Там все мои лучшие наряды! Армани! Дольче Габанна! Диор! Мои туфли! Сумки! О боже! Я же хотела сразить всех мужчин на этом празднике вина! Хотела показать, что мы хоть и не из Франции, но в моде тоже соображаем! Я же все это покупала в Париже и Милане! Виталий! – схватила она за руку майора. – В чемодане находился мой кожаный кардиганчик леопардовой расцветки, отделанный ярко-розовым кружевом! Ты скажешь – верх безвкусицы, а я скажу – что мне без него делать?! Мой любимый, яркий и необычный!

Яна оторвалась от своего попутчика и побежала по перрону к зданию вокзала.

– Яна, ты куда?! Стой! – рванул за ней следователь.

– Я в полицию! Ты поезжай! Ты же не бросишь своего ученого. А я разберусь с полицией и догоню. Обещаю! На самолете, если надо, прилечу! – прокричала ему Яна, увидев указатель со стрелкой «Полиция».

– Я тебя не брошу! Значит, вместе нагоним Ивана!

– Спасибо! – поблагодарила Яна. – Может, сначала найдем носильщика? Вдруг он забыл номер поезда или вагона и теперь переживает, а? – с надеждой в голосе спросила Яна.

– Цветкова, наивная ты душа! Идем со мной! – Следователь потянул ее за руку в дежурное отделение.

То, что Виталий Николаевич пошел вместе с Яной, было очень правильным решением. Майор сразу же представился коллегам, и к ним отнеслись с большим пониманием.

– Ну вы даете! – сдвинул назад фуражку лейтенант. – Приезжие лохи у нас уже несколько раз попадались на эту уловку, но вы... – Он обвел высокую и худую Цветкову недоуменным взглядом. – Такая статусная дама! Как же вы могли?

– Я не знаю... – промямлила Яна. – Он сказал, что носильщик, и я поверила. А что такого?

– То есть если я скажу, что космонавт, ты мне тоже поверишь? – спросил Виталий Николаевич.

– Тебе нет, потому что я знаю, что ты не космонавт, – честно ответила Яна. – А если незнакомый человек так представится, то почему бы и нет? – пожала плечами Яна. – А для чего тогда нам язык? Чтобы говорить, и говорить правду!

Виталий Николаевич недвусмысленно переглянулся с дежурным лейтенантом и пожал плечами, и это не скрылось от Цветковой.

– Хватит оценивать меня и мои слова, словно я недееспособная! – воскликнула она.

– Ну, хорошо... Вы сможете подробно описать всё, что у вас было в чемоданах, и назвать приблизительную сумму причиненного вам ущерба? – спросил лейтенант, возвращая фуражку на место.

– Конечно, могу! Я же сама собирала чемоданы вот этими самыми руками! Кстати, у меня фирменный набор чемоданов, и только они стоят тридцать тысяч! А общий ущерб, нанесенный мне, огромен! Да там каждое платье, если в евро... то бешеная сумма! – на повышенных тонах сообщила Цветкова. – Мой леопардовый кардиганчик! А туфли! Вы знаете, сколько стоят мои туфли?! Даже одна пара! – выкрикнула она и вытянула вперед ногу, указывая на свои сабо.

– Ага! Песня есть такая! «На лабутенах!» – заулыбался лейтенант.

– Песня? – переспросила Яна. – Да вы издеваетесь, что ли? Какая песня? Пропали мои вещи, да мы еще от поезда отстали. Можно как-то побыстрее проводить оперативно-розыскные мероприятия?

– Составьте подробный список вещей и их примерную стоимость. – Лейтенант положил перед Яной лист бумаги и ручку. – Деньги? Кредитки?

– Это единственное, что осталось при мне, – Яна постучала по маленькой сумочке с бахромой, висевшей через плечо, и приступила к списку.

– Преступник будет разочарован, денег нет... – высказался лейтенант.

– Потеря всего любимого гардероба – это трагедия для любой женщины! Это же эксклюзивные вещи. Я такие уже не приобрету ни за какие деньги. Преступник сможет их очень дорого продать!

– Где? На барахолке? – спросил лейтенант, совсем не замечая, что обижает потерпевшую.

– Есть специализированные бутики, где принимают брендовую одежду! – воскликнула Цветкова.

– Если тебя обокрал бомж, вряд ли он знает о таких местах, – вполне разумно прокомментировал Виталий Николаевич.

– Будем искать на месте и по рынкам, – пообещал лейтенант.

В это время у Виталия Николаевича в кармане зазвонил телефон.

– Извините, – сказал он и вышел из кабинета.

А когда вернулся, лицо у него было как свекла. Он протянул трубку лейтенанту.

– Вас...

– Меня? – удивился тот. – Алло? Кто? – Лейтенант поднялся со стула, словно его подхватила невиданная сила.

Человек в трубке орал так, что было слышно всем, кто находился в кабинете:

– Твою же мать, человек государственной важности едет один в поезде! Тот, кто должен его охранять, у вас! Немедленно требую догнать поезд и посадить в него майора Лебедева!

– Слушаюсь! – сглотнул лейтенант.

– Ты же говорил, что охраняешь членкора в частном порядке? – повернулась Яна к Виталию Николаевичу.

– Так и было... Сам в шоке... Ничего не понимаю... «Государственной важности...»

Лейтенант выдохнул.

– Важная птица едет?

– Это я во всем виновата, – задумалась Яна. – Вроде никогда мещанкой не была, но как вспомню про леопардовый кардиганчик, смерть «Модному приговору»... так сердце сжимается.

– Моя задача – посадить вас в поезд, – посмотрел лейтенант на Виталия Николаевича, – и будем ее выполнять. Первую остановку поезд делает через шесть часов, вот мы по авто-трассе его и догоним. Сейчас я распоряжусь!

– А я? Я тоже с ним. Я же жена! – встрепелась Цветкова.

– Чья жена? – уточнил лейтенант.

– Ну этого... профессора. Которого охранять надо, – пояснила она.

– Вы не знаете имя своего мужа? – на полдороге к выходу «завис» лейтенант.

– У нас не совсем обычный брак... – начала было пояснять Яна, но была прервана Виталием Николаевичем, который сильно наступил ей на ногу. – Уа!

– Это очень длинная история, а у нас нет времени, – улыбнулся майор.

– Да, времени нет! Я сейчас! – И лейтенант вышел из комнаты.

– Ты всем будешь рассказывать о фиктивном браке? – накинулся на Яну следователь.

– А вдруг меня не возьмут? Я тут не останусь!

– Ты же не хотела ехать! Я еле уговорил, – удивился следователь.

– А ты меня бросить надумал? Я уже настроилась. Тем более что уже пострадала в этом деле. Вам, мужчинам, нас, женщин, не понять.

– Это точно, – был вынужден согласиться Виталий Николаевич.

Отворилась дверь, в кабинет вошел лейтенант.

– Ну всё... Я отдал распоряжение, машина ждет. Наш водитель постарается домчать вас до нужной станции.

– Спасибо, – кивнул Виталий Николаевич.

– Надеюсь, что вы не суеверные, – отвел глаза лейтенант.

– Это вы о чем? – спросила Цветкова.

– Ну... полицейская машина не совсем в порядке. Водитель не вовремя решил перебрать что-то там в моторе. Сказал, что работы на час, но вы ждать час не можете. Поэтому поедете на другой машине... Она не наша, но тоже служебная и очень кстати оказалась на нашей стоянке.

– Да нам какая разница? Главное – на поезд попасть! – отмахнулся Виталий Николаевич, но Яна своей женской интуицией почувствовала подвох.

– Машина не совсем обычная... – Лейтенант подвигал фуражку вперед-назад, словно таким способом чесал голову.

– Пожарная, что ли? – усмехнулся Виталий Николаевич.

– Катафалк, – ответил лейтенант и посмотрел на Яну, ожидая охов и ахов с ее стороны.

Но Яна была тверда как камень, а вот у Виталия Николаевича начался какой-то нервный тик.

– Ну... ничего... Если нет другого выбора... Мы, в принципе, и такси можем взять.

– И зачем вам такси? Катафалк в норме. Домчит за милую душу! – кивнул лейтенант.

– Я тоже за катафалк! Погнали! – согласилась Яна. – Надеюсь, вы будете проводить расследование?

– Конечно! Данные вы оставили. Если что, сообщим... А пока пусть ваш ученый муж купит вам другую одежду! Хороший повод сменить гардероб.

– Какой ученый? – уточнила Яна. – А... понимаю! Да, конечно! Я и сама в состоянии что надо купить себе! – ответила Цветкова, проходя мимо лейтенанта с гордо поднятой головой.

Глава 4

– Не думал я, что мне такой приказ отдадут – сесть за руль катафалка, – покосился на своих попутчиков молоденький полицейский, который представился Мишей.

– Главное, что не трупы везешь! – хихикнула Яна.

Они с Виталием Николаевичем сидели на каких-то неудобных, жестких сиденьях в салоне катафалка, их трясло и кидало из стороны в сторону. Так как они сильно опаздывали, водитель ехал очень быстро. Автомобиль издавал такие жуткие звуки и треск, что казалось, сейчас он развалится на части. Пассажирам стало очень страшно.

– Это мы сколько часов так будем ехать? – икая, произнес Виталий Николаевич.

– Гоним... – неопределенно ответил Миша.

По салону каталась пустая бутылка из-под водки, что тоже раздражало.

«С поминок, наверное, осталась», – подумала Цветкова, не зная, как ей сесть поудобнее, потому что каждая колдобина на дорогах отражалась болью у нее в пятой точке.

– Чего ты ерзаешь? – поинтересовался Виталий Николаевич.

– Так у меня не очень большой жировой слой на одном месте, больно сидеть, – пожаловалась Яна. – А вот ты чего?

– Так у меня ранения как-никак... Пули во всем теле... оставшиеся, – ответил Лебедев.

– Еще сдвинутся в такой-то тряске, – покосилась на него Яна.

– Значит, ты телохранительницей будешь? – ухмыльнулся следователь.

– И машина будет двигаться по назначению – уже с тем, кто в ней должен ехать, – включился в «юмор» Миша.

– Неплохо начался отпуск, – посмотрела в окно Яна. – Обокрали, теперь мчимся сломя голову в катафалке. Что дальше? Даже страшно представить. А тебе, Виталий, надо было соображать, кого ты берешь в попутчицы. Со мной всегда вот так... где не ждешь, там и нарываешься.

– Это я себя неудобно чувствую... Пригласил тебя в отпуск, в такое «райское место», а тут сплошные неприятности. Ты прости меня, Яна, я, честное слово, не хотел. Не думай, что я недееспособный... тьфу! То есть неплатежеспособный. Как приедем, я тебе всё куплю!

– Всё? – переспросила Яна.

– Всё.

– Всё-всё?

– Всё-всё-всё!

– И платье, и туфли, и купальник?..

– И купальник! Ты только не грусти! – виновато потупил глаза следователь.

Яна с улыбкой посмотрела на его торчащие, как бы Виталий их ни приглаживал своей пятерней, в разные стороны волосы, на темные круги под глазами от хронической усталости, на плотно сжатые губы.

– Не волнуйся, я тоже при деньгах, – похлопала она ладошкой по сумке. – Главное, чтобы с твоим подопечным ничего не случилось, а то тебе влетит.

– Эх, дороги, пыль да туман! – затынул Михаил. – Черт! Гаишники тормозят. Вот так всегда. Только разогнались...

Катафалк резко затормозил, Яна оказалась на руках у Виталия Николаевича, съехав к нему прямо как с горки.

– Куда спешите? Опаздываете на похороны? – заглянул в кабину водителя постовой и несколько смутился, увидев человека в форме.

– Коллеги! Догоняем поезд по распоряжению начальства! – объяснил Миша.

– А чего на таком транспорте? – удивился постовой. – На таком транспортном средстве не принято спешить.

– Так какой дали, – развел руками Миша.

– Ладно, поезжайте. Сообщим по постам, чтобы вас не тормозили! – помахал им постовой, но взглядом проводил как сумасшедших.

– Ну что? Летим дальше с ветерком? – подмигнул своим пассажирам Миша.

– Быстрее бы уже добраться до места, – ответил следователь, который не стал сбрасывать Яну с коленок и явно мучился со своими ранами теперь с двух сторон – от твердой поверхности сиденья и от костей Яны.

А вот Цветковой сидеть стало явно легче.

Катафалк загремел своими частями и костями пассажиров дальше. Он развил большую скорость, и Яна уже ждала, что водитель вот-вот сообщит им, что они подъезжают... Но вместо этого Миша начал ругаться, а машину стало водить из стороны в сторону. Затем Яна почувствовала сильный толчок, и ее подбросило вверх. Она сильно стукнулась плечом о боковое стекло, затем головой о крышу.

Испытав сильную боль. Цветкова инстинктивно стала искать мужчину, который был рядом с ней, то есть Виталия Николаевича. И с удивлением обнаружила, что тот пребывает точно в таком же состоянии, как и она. Лебедев летал по салону катафалка вместе с какими-то вещами и спинками от сидений. Эта картина завораживала, словно калейдоскоп, если бы тело не испытывало такую боль... Яна снова стукнулась головой о что-то твердое, и цветной калейдоскоп сменился кромешной темнотой.

– Не надо ей ничего колоть, она уже пришла в себя... Всего лишь легкий шок. Всё будет хорошо, – услышала Яна и всем сердцем пожелала, чтобы эти слова относились к ней. Она очень хотела, чтобы «всё будет хорошо». Но ее физическое состояние говорило совсем об обратном.

Яна открыла сначала один глаз, затем другой и посмотрела в лицо незнакомого человека.

«Наверное, все же про меня... если он на меня смотрит», – подумала она и сдвинула тонкие брови, пытаясь сконцентрироваться.

– Мы попали в аварию? – разлепила она губы.

– Что? – нагнулась к ней девушка в медицинской форме. – Да, совершенно верно, вы попали в аварию.

– Так я и знала! Прямо сглазили. Проехались с «ветерком» в катафалке. – Яна приподнялась на локтях, чтобы лучше рассмотреть свое брэнное тело.

– У вас, девушка, и руки, и ноги на месте, – успокоил ее доктор, – только многочисленные ссадины и ушибы. Вы, наверное, в комбинации родились...

– Вы имеете в виду – в рубашке? – поправила его Цветкова.

– Нет... Такая женщина точно сразу родилась в красивой комбинации, – улыбнулся доктор, а Яна постепенно «въезжала», что он таким странным образом делает ей комплимент.

– А... – выдавила она из себя улыбку.

– Дорожные катастрофы могут привести к очень серьезным последствиям...

– А мои попутчики... с ними все в порядке? – поинтересовалась Яна.

– Да всё хорошо! У водителя только перелом плеча, – сообщил доктор. – А труп мы положили в больничный морг. Катафалк сильно поврежден. Вряд ли он сможет продолжать путь на кладбище. Но как только вы договоритесь и приедет другая машина, мы вам его вернем.

– Кого? – спросила Яна, делая очень умное лицо, решив пойти от обратного.

Обычно умная мысль, возникающая в голове, отражается на лице. Но когда нет никаких мыслей, возможно, умное лицо вернет мысль в голову. Яна чувствовала в этом острую необходимость.

– Труп, говорю, не повредился! Заберете, как сможете! – повторил доктор, всматриваясь в Яну и понимая, что его не понимают. – Вы везли тело, не знаю куда, наверное, на похороны, и попали в аварию... Труп не повредился, если так можно сказать. Что ему уже будет-то? А все сопровождающие живы... Вы головой приложились здорово, конечно, но ничего... Выздоровливайте.

Яна свесила ноги, голова у нее кружилась, а сердце бешено стучало.

– Виталий Николаевич! – Она соскочила на пол и понеслась из палаты.

В ее мозгу выстроилась своя логическая цепочка. Их в машине было трое. Она жива, водитель, как было сказано, тоже в порядке, только получил перелом. Получается, что труп... «Господи, я даже думать об этом не могу! Бедный Виталий! Какая нелепая смерть! Мчаться в катафалке, попасть в аварию и умереть!»

– Девушка, извините, где у вас морг?! – кинулась Яна к женщине в белом халате.

– По коридору в другой корпус, затем в подвал, – ответила ей женщина. – А вам зачем?

– Очень надо! – ответила Яна и понеслась по коридору.

– Может, лучше в реанимацию?! – крикнула ей женщина вдогонку, но Яна ее уже не услышала.

Яна буквально скатилась по ступенькам вниз, сразу ощутив прохладу и неприятный запах сырости и медикаментов. Метнулась к металлическим дверям, которые оказались закрытыми, и забарабанила что было силы.

– Откройте!

– Кто там? С ума сошли? – раздался недовольный голос и шаркающие шаги. – Что надо? Вы кто?

– Откройте! – кричала Яна.

– Я спрашиваю, что вам надо? – повторил голос.

– Мне труп увидеть надо!

– Вы родственница?

Яна только сейчас увидела, что в железной двери вмонтирован глазок, и придвинулась к нему так близко, что с обратной стороны двери с таким лицом и косыми глазами выглядела устрашающе.

– Нет... Мы вместе ехали...

Дверь открылась, но дороге Яне преградил высокий, хмурый, худощавый старик.

– Стой, сумасшедшая!

– Пропустите, пожалуйста! Мне посмотреть! Это же Виталий Николаевич!

– Не положено...

– Так у него нет родственников! Все равно мне его забирать!

Дед отпихнул ее в коридор, закрыл за собой дверь и зашептал ей на ухо:

– Да что же ты орешь, как потерпевшая? Я же говорю – не по-ло-жено! У нас врач-патологоанатом на работу не вышел. Заболел впервые за всю жизнь. Я простой сторож... Вот завтра Андрей Ильич выйдет, и будете разбираться с мертвецами, забирать их отдавать, делать, что хотите.

– Так мне только глянуть, он это или... Надежда же умирает последней, – продолжала канючить Цветкова.

– Не могу я... – Старик посмотрел по сторонам и заглянул за дверь, словно их могли подслушать. – Я и так тут уже со строгим предупреждением. Как выпью, так нарываюсь на заместителя по методической работе. Такая стерва! Клавдия ее мать Андреевна! У нее словно нюх на алкоголь! Не расслабиться! Своего мужика сгноила, он у нее выпивал, развода

не давала, все пилила и пилила, пока он не помер. Так у меня такое чувство, что она за меня взялась. Хожу трезвый – нет ее, стоит... ну, чуть-чуть медицинского, ты понимаешь... так сразу же возникает эта женщина-скала!

– Я, конечно, очень тронута... Но можно мне посмотреть на моего товарища? – спросила Яна.

– Какая же ты нетерпеливая. Говорю же, следят за мной. Через три-четыре часа стемнеет, все эти врачи и заведующие разойдутся по домам, все утихнет, – снова оглянулся по сторонам старик, – тогда и приходи... Постучишь три раза, я открою. Простишься и с Витей, и с Димой, и с кем хочешь.

– Мне Виталий Николаевич нужен!

– И с ним тоже! – кивнул старик.

– Чего тогда вы тут сидите, если ничего не решаете? – возмутилась Цветкова.

– Так если помрет кто в больнице, труп-то надо пристроить, – пояснил старик.

– Ладно, вы точно пустите через три часа? – спросила Яна.

– Слово даю... Принеси пузырь, а?

– Что-что? – не поняла Яна.

– Водочки бутылочку бы, – попросил старик.

– Ладно, – вздохнула Яна.

Дорогу назад она нашла уже с трудом. Вот что значит летела в морг на адреналине. В палате Яна потребовала, чтобы ей отдали ее вещи, и подписала отказ от госпитализации.

– Я бы на вашем месте хотя бы пару дней полежал. Вдруг проявятся внутренние повреждения или все же было сильное сотрясение мозга? – сказал ей заведующий отделением.

– А вы не на моем месте, чтобы решать, что делать. У меня и так забот выше крыши, – ответила Яна.

Надо было где-то скоротать время и подумать, что делать дальше.

Яна завернула в ближайшее кафе и тут осознала всю тяжесть своей потери.

«Какой ужас! Кто же теперь будет мне помогать, когда я буду пускаться во все тяжкие? Кто же будет давать нужные советы и все время удивляться моей «везучести»? Я же столько лет его знала! Да что же я все о себе да о себе! А то, что погиб хороший человек, не старый еще мужчина... Это разве не обидно? Пожить не успел! Точно, я как «черная метка». Виталий Николаевич нес нашу дружбу как крест. И вот погиб, когда я была с ним. Как предчувствовал», – думала Яна.

Подошла официантка.

– Что будете заказывать?

– Так вы мне еще меню не дали, – вырвалась из своих грустных мыслей Цветкова.

Официантка с подозрением посмотрела на посетительницу. Грязная одежда, спутанные волосы и фингал под глазом.

– Меню перед вами, – сухо сказала она.

– Ой, а я и не вижу! Принесите мне суп куриный, если есть...

– Есть.

– Пюре с котлетой...

– Возьмите лучше шницель в панировке и жареный картофель, – посоветовала официантка.

– Хорошо. И выпить бы мне. Водки принесите сто граммов, нет! Сто пятьдесят! И еще бутылку водки с собой. Не хочу по магазинам бегать, болит всё.

– Девушка, вы в курсе, что у нас бешеная наценка? В магазине вы бутылку за двести пятьдесят рублей купите, а у нас она семьсот пятьдесят стоит.

– Плевать. Несите.

– Я очень извиняюсь, а не могли бы вы сначала оплатить заказ? – поинтересовалась официантка.

Яна хотела было возмутиться, но махнула рукой – не было у нее сил.

– Вот кредитка!

Официантка что-то посчитала, затем провела платеж, и лицо у нее подобрело.

– Приятного аппетита!

– Спасибо.

Когда она принесла Яне заказ, Цветкова попросила:

– Выпьем со мной, не чокаясь?

– Что вы! Нам не положено.

– У меня сегодня друг погиб, мне очень тяжело.

– Сочувствую, – официантка налила ей водки в рюмочку, – но пить с вами не могу...

– Ладно! Я понимаю... – Яна опрокинула в себя рюмку и заплакала.

Глава 5

К моргу Яна подошла уже навеселе. От души немного отлегло, а вот тело, наоборот, находилось в явно разобранном виде. Болело всё – спина, плечи, ноги-руки, голова.

– Тук-тук-тук! – постучала Яна, сопровождая каждый стук еще и голосовым сопровождением.

Она держалась за дверной косяк, так как ее шатало.

– Кто?

– Ма-ма, добрая ма-ма! – протянула Яна, поднимая на уровень дверного глазка полупрозрачный пакет с бутылкой водки. – Молочка принесла! От бешеной коровки!

Замок щелкнул, и металлическая дверь открылась. Яна снова увидела старика.

– Какая ты настырная! Я думал, что не придешь... Ну, раз пришла, проходи, – отступил в сторону верный страж, неотрывно глядя на пакет.

Яна переступила порог и снова ощутила невыносимый запах. Бросилась в глаза кушетка с больничным бельем и шерстяным клетчатым одеялом. Понятно, что на ней коротал длинные ночи сторож. Рядом притулилась тумбочка, на ней посуда и электрочайник.

– Как-то так... – обвел рукой помещение старик. – Ну что? Труп будешь смотреть?

– Что-то у меня желание пропало, – честно ответила Яна. – Давайте выпьем.

– Так завсегда пожалуйста, – засуетился старик, смахивая крошки с тумбочки и подвигая Яне стул.

На тумбочке появились два стакана и кусок сыра в полиэтилене, а также буханка черного хлеба.

– Давай хоть познакомимся, – предложил старик. – Меня Степанычем кличут.

– Яна Цветкова, – представилась Яна.

– Ну, не чокайся? – спросил Степаныч. – Расскажи хоть, кого поминать будем.

– Друг мой, – вздохнула Яна. – Полковник... Ой, нет... майор полиции.

– За мента будем пить? – вздрогнул Степаныч.

– А ты имеешь что-то против службы правопорядка? – спросила Яна, наблюдая, как трясутся у него руки, когда он разливал водку по стаканам.

– Раньше были большие разногласия, – посмотрел на свою татуировку явно уголовного толка Степаныч, – а теперь-то уж что? Мертвый мент всего лишь труп. Там все равны, и каждый ответит за свой грех. Ну, давай за раба божьего...

– Виталия, – вставила Яна.

– За него! – залпом осушил стакан Степаныч.

Яна повторила за ним.

– Сейчас я подготовлюсь и пойду прощаться.

– Да ты уже готовая, – покосился на нее сторож.

– А то вы тут трезвый! – ответила ему Яна.

– Да как здесь, на такой-то работе, можно быть трезвым? Я же боюсь мертвяков. А так выпьешь и повеселеешь.

– Развлечений нет? – обвела глазами закуток Яна.

– Ну ты же не в театре! Тут только телевизор, два канала, телефон местный, и тот сломался. Но это-то и хорошо, а то будут трезвонить и проверять.

– А я свой сотовый тоже разбила, когда в аварию попала. Еще сегодня хотела новый купить, но все мысли в голове перепутались. Такое горе! Я организую очень хорошие похороны для Виталия Николаевича, надо обзвонить всех его друзей...

– Ладно, не расстраивайся. Ты не виновата, у каждого своя судьба.

Так за неторопливыми разговорами и выпивкой они скоротали какое-то время. Степаныч учил Яну, как разговаривать с похоронными агентами и как лучше организовать похороны.

– Уж я-то со стороны вижу, как эти шакалы людей в горе разводят на деньги. Виданное дело – покупать гроб за двести тысяч, чтобы человек в нем полежал двадцать минут и был отправлен в топку в крематории! Смысл? Чтобы все, кто пришел проститься, видели, что родственники не экономят на покойнике? А нужны такие люди на похоронах и на поминках, которые смотрят на такие вещи? Вместо того, чтобы просто скорбеть?

– Как хорошо, что я нарвалась на такого умного человека! – искренне сказала Яна, которую развезло уже выше крыши. – Всё! Я дошла до кондиции! Готова к встрече с Виталиком!

– Идем! – решительно подхватил ее под руку Степаныч. – Так... Где у нас тут труп из катафалка? А вот он!

Они вошли в анатомический зал, сторож включил очень противный резкий свет, при котором даже живые люди выглядели мертвецами, а уж мертвые вообще... Степаныч отвернул уголок простыни и отступил в сторону.

Яна со слезами на глазах взглянула на покойного.

– На себя не похож, – отметила она.

– Так труп он и есть труп, – философски ответил Степаныч, пытаясь удержаться ровно на ногах.

– Совсем не похож! Господи! Степан, так это же не он! Это не Виталик! Вы что-то путаете! Где он? – Яна повернулась к другому столу и уже, осмелев, сама приподняла простыню.

Это была женщина.

– Яна Цветкова, я ничего не путаю! Это покойный с аварии.

– Давайте проверим другие ячейки, – не сдавалась Яна.

– Да кто здесь хозяин? Я или ты? Здесь всего четыре тела, два ты видела. И еще два, но они женского пола. Показать?

– Давайте выпьем, – предложила Цветкова и несколько нетвердой походкой направилась назад.

– А ты хорошо представляешь своего Виталика? – спросил Степаныч, следуя за Цветковой.

– Конечно! Я его знала много лет. А где же он тогда? И кто этот труп? Когда мы в катафалк сели, там точно покойников не было.

– Может, не заметили? Завалился где-нибудь? – спросил сторож и осекся под строгим взглядом Яны.

Она с тревогой думала о судьбе Виталия Николаевича.

«Может, он побежал догонять поезд, выполнять свой служебный долг? Как-то верится с трудом. Он бы меня не бросил. И не уехал бы, не предупредив. Странно все это», – метались мысли у нее в голове.

И тут старик тревожно схватил ее за руку.

– Слышишь?

– Что?

– Тихо! В дверь вроде как скребутся. – Он на цыпочках приблизился к входной двери. Яна не знала, следовать за ним или нет. Старик обернулся и поманил ее рукой. Яна приблизилась к двери.

– Чуешь? – прошептал Степаныч.

Яна приложила ухо к двери и услышала голос:

– Замок-то не простой... Сейфовый...

– Да кто знал-то? Дверь старая, обыкновенная. Ничего – подберем отмычку. Нет таких дверей, которые я не открыл бы.

– Мы украдем труп?

– Ты с ума сошел? На фига нам труп? Чтобы нас быстрее вычислили? Мы распотрошим его прямо на месте, вынем наркоту и быстро исчезнем под покровом ночи, – ответил кто-то, явно имеющий поэтические наклонности.

Сторож приложил палец к губам, призывая Яну к молчанию.

– Жалко Вована... – слышалось из-за двери.

– Он знал, на что шел. Если бы нас взяли вместе с ним, мы бы сейчас присели, учитывая рецидив, лет на пятнадцать-двадцать... Мы бы с ним и не ушли. Очень удачно, что, уходя от погони, мы наткнулись на этот перевернутый катафалк. Нам помогло само провидение. Скинув труп, мы полностью избавились от подозрений. Мы смогли сами уйти, и труп в катафалке оказался к месту. Это было везение, понимаешь? А еще повезло, что все пассажиры валялись то ли мертвые, то ли без сознания.

– А бабу помнишь с длинными светлыми волосами? Красивая... Похожа на спящую царевну.

– Чего?!

– Да это я так. Хочу, чтобы она все же жива оказалась.

В дверном замке слышалось энергичное царапанье.

– Ты думай о том, как нам товар забрать. Это миллион рублей.

– Я думаю, не сомневайся.

– Там сторож старик.

– Алкоголик.

– Что с ним сделаем?

– Чего ты дурочку валяешь? Валим, конечно! Живого свидетеля мы оставлять никак не можем.

– Я согласен! Всех свидетелей – мочить! Черт! Замок не поддается! Неси стамеску.

Слушая этот деловой разговор двух убийц, Яна вдруг ощутила себя маленькой, которую хотят обдурить. «Здравствуй, дружок. Хочешь, я расскажу тебе сказку?» И дальше ты уже сидишь как замороженная и слушаешь, хочешь того или нет.

Степаныч схватил ее за руку и поволол от двери. Выглядел он крайне встревоженным и, главное, совершенно трезвым.

– Ты это тоже слышала?

– Слово в слово! Они сейчас меня убьют!

– Ты о чем? Они сказали, что меня убьют! О тебе и речи не было! – воспротивился Степаныч, чем все-таки подтвердил, что не совсем трезв.

– Так они просто не знают, что и я здесь! – возразила Яна. – А вы что вообразили? Вас убьют, а меня отпустят с богом? Боюсь, что скоро трупов здесь прибавится. Ёшкин кот, что же делать-то?! Позвоним в полицию!

– Мы только что говорили о том, что здесь нет связи, – схватился за сердце Степаныч.

– Нельзя сдаваться! Надо что-то делать! А запасной выход? – заметалась Яна.

– Нету, не ищи.

– Через окно?

– На окне решетка, – ответил сторож, и они замерли, потому что раздался грубый звук резьбы по металлу.

– Болгарка... нам конец! – прошептал Степаныч.

– Вы же охранник! Вы же мужчина! Сделайте что-нибудь! Неужели этот жуткий звук никто не слышит? – забегала Яна по помещению в поисках неизвестно чего.

– Мы в подвале, да еще ночь. Кто услышит?

– Оружие! Есть какое-нибудь оружие? – спросила Яна, ощущая липкий пот по всей спине.

– Ага, пистолет и два автомата.

– Ну хоть что-то! Нож! Вы же режете хлеб и колбасу!

– Да я не в жисть не смогу человека ножом ударить, – промямлил старик.

– Даже если этот человек сейчас нас убьет? А как же инстинкт самосохранения? Я так просто не сдамся!

– Там два головореза.

– И нас двое! Вы отвлекете бандита ножом, а я резко выскочу из-за угла и огрею их чем-нибудь тяжелым. А потом мы рванем и будем звать на помощь! Это наш единственный шанс на спасение. Они же не знают, что вы здесь не один. Этим фактором неожиданности и надо воспользоваться, – протараторила Цветкова и скрылась за углом.

– Хеллоу! – громко сказал высокий и достаточно плотный мужчина, вваливаясь в морг вместе с лязгающим звуком сломанной двери. – Старик, ты где? Опа! – Он резко остановился. – Колян, а тут оказывается Рембо!

На пороге стоял трясущийся Степаныч и делал какие-то несурзные выпады ножом в сторону ворвавшихся налетчиков.

Второй бандит подошел к товарищу и усмехнулся.

– Да, красиво! Стилль – старый козел! Положи нож, живо! – прикрикнул он.

Сторож скосил глаза на Яну, словно спрашивая у нее разрешения.

– Помолись лучше, дед! Показывай, где труп, который с ДТП вам привезли! И нож на пол, иначе пристрелю!

Яна стояла за углом с бешено колотящимся сердцем и сжимала штатив от капельницы – оружие, которое она нашла. Цветкова махнула рукой старику, чтобы он начал движение в ее сторону, заманивая преступников в ловушку. С мокрой от ужаса спиной она вжалась в холодную кафельную плитку. Сторож отступал, а бандиты приближались. Был бы преступник один, еще можно было понять стремление Яны попасть хоть в один процент удачи. Но как ей справиться с двумя? Если честно, Яна сейчас об этом не думала. Она вообще ничего не ощущала, кроме дикого страха и ужаса. И как только в ее поле зрения появилась фигура в темном, она что есть силы, словно метательница молота, приложила его штативом по голове. От силы удара штатив погнулся, а крючки для подвешивания лекарств остались у бандита где-то или в голове, или в теле. Мгновенное затишье, словно перед бурей – и звериный рык:

– А-а-а...

У Яны волосы на голове зашевелились, благо их росло с избытком.

Старик закрыл лицо руками, словно не мог видеть того, что сотворила Яна. Бандит же, которого она поразила штативом, рухнул на кафельный пол. Но из-за угла прямо на Яну выскочил второй мужик со звериным оскалом и криком:

– Убью!

Увидев, что сопротивление оказывает не отряд спецназа, а хрупкая женщина, он несколько замешался.

– Баба?! Ах ты, стерва! Откуда ты тут взялась ночью? Развлекаетесь с этим стариком? Сейчас я вас здесь обоих и похороню! Зарою в кафель! Замурую в стене!

Яне на секунду даже показалось, что в прошлой жизни этот бандит был строителем.

А после ей было уже не до размышлений. Потому что грузное тело с сильными руками навалилось на нее всей своей тяжестью и мощью. Яну откинуло назад, на холодный металлический стол для препарирования трупов. Только вот она еще мертвецом не была и начала бешено сопротивляться. Правда, толку от этого было мало. Мужик был очень силен и зол, он просто припечатал Цветкову к столу и принялся ее душить. Она отчаянно махала длинными руками и ногами, но свет в ее глазах медленно гас, погружая Яну в полную темноту.

Внезапно в ее легкие ворвалась струя воздуха. Цветкова закашлялась и вскочила со стола. Когда к ней вернулось зрение, Яна увидела Степаныча, дрожащими руками сжимавшего металлический лоток, которым он и огрел душившего Яну бандита. На лотке осталась кровь, которая тягучими сгустками медленно стекала на белый кафельный пол.

Яна так сильно кашляла, что ее вырвало. Наверное, еще сказались сотрясение мозга и стресс.

– Я его убил... Я его убил... Что это? Что это? Яна, это мозги? – скороговоркой шелестел старик.

– И правильно сделали. Мерзавец! Он меня чуть не придушил! – ответила Яна. – Надо вызвать полицию! Кхе!

И тут они услышали пламенную речь, состоящую из одних нецензурных ругательств. В помещение морга вошла статная женщина с высокой прической и яркой помадой на губах. Она озиралась по сторонам и продолжала материться.

– Твою же дивизию! Да что же здесь происходит?! Вы с ума сошли? Дверь! Кто вышиб дверь? Охотник за трупами?

Яна с недоумением смотрела на странную даму. А вот Степаныч излишне засуетился.

– Клавдия Андреевна, так это... мы ни при чем... Ворвались вот... Убить нас хотели... Мы защищались...

– Так это живые люди? Я сначала подумала, что вы тут трупы разбросали. А это, вообще, кто? – оценивающе посмотрела суровая дама на Цветкову.

– Так это... пациентка она, зашла вот...

– На огонек? – предположила женщина, зыркнув на тумбочку, где стояла почти пустая бутылка водки.

Тут один из бандитов, которого огрел сторож морга, с трудом поднялся на ноги и вытащил пистолет. И хотя руки у него тряслись, это не помешало ему направить оружие в грудь Степаныча.

– Сволочи... Перестреляю... – Бандит пытался сконцентрировать мутный взгляд на цели, но не успел, потому что Клавдия Андреевна что есть силы долбанула его по голове полупустой бутылкой. Бутылка разбилась, и преступник снова упал, залитый водкой.

– Я прекращу ваши эти пьянки! – грозно пророкотала заведующая по методической работе, испепеляя сторожа злым взглядом и кривя яркие губы.

– Может, вы вызовете полицию? – предложила Цветкова.

– Поговори мне тут! – рявкнула дама и величаво выплыла из помещения.

Яна и Степаныч двинулись за ней.

Глава 6

Яна понимала, что выглядит несколько странно для пассажирки бизнес-класса. В салоне самолета сидели мужчины в дорогой обуви и костюмах, с фирменными часами; молодые женщины в возрасте, про которых говорят: «Дама после реставрации», и представители золотой молодежи в модных дорогих шмотках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.